

В.А. Ковпик (Москва, Россия)

**Конференция «Малые жанры фольклора в историко-культурном контексте:
от средневековых маргиналий к мемам» (15 октября 2024 г.)**

V.A. Kovpik (Moscow, Russia)

**The Conference “Small Genres of Folklore in the Historical and Cultural Context:
From Medieval Marginalia to Memes” (October 15, 2024)**

15 октября 2024 г. на кафедре русского устного народного творчества филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова прошла всероссийская научная конференция «Малые жанры фольклора в историко-культурном контексте: от средневековых маргиналий к мемам», приуроченная к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Аникина, много лет заведовавшего кафедрой.

Профессор В.П. Аникин, участник Великой Отечественной войны, проживший долгую и плодотворную жизнь, был настоящим патриархом филологической фольклористики своего времени. Он автор 25 научных книг и учебных пособий (в том числе хрестоматии и выдержавшего уже несколько переизданий современного учебника по общему курсу русского фольклора для вузов «Русское устное народное творчество»), свыше 400 статей, посвященных самым разным жанрам русского фольклора – от былинного эпоса, календарных и семейных обрядов и заговоров до детского фольклора, загадок, пословиц и поговорок; глубоко разрабатывал он и проблемы теории фольклорной традиции, изучал фольклоризм русской литературы (творчество А.Н. Толстого, В.Ф. Одоевского, П.А. Ершова, П.П. Бажова и др.). В числе самых первых печатных трудов В.П. Аникина была книга «Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор» (М., 1957), отчетливо обозначившая стойкий интерес ученого к проблемам поэтики малых форм фольклора и методике кросс-жанрового анализа. С этой областью научных интересов В.П. Аникина и связана тематика посвященной его памяти конференции.

Понятие «малые жанры фольклора» (иногда для краткости их называют «паремиями») обнимает собою совокупность текстов, отличающихся краткостью, афористичностью, непосредственной связью с речевой ситуацией, а также широкой вариативностью. Так как границы объема понятия «малые жанры фольклора» довольно размыты, это дает весьма широкое поле для постановки самых разных исследовательских проблем, связанных с механизмами варьирования, коммуникативными функциями, историческими контекстами паремий и загадок. В докладах, прозвучавших на конференции, затрагивались вопросы происхождения и бытования отдельных традиционных и новых малых жанровых форм (маргиналий в средневековых рукописях, авторских афоризмов, мемов как разновидности со-

временных паремий); коммуникативных ситуаций их употребления («узнавание» паремии как часть языка «своей» аудитории и «неузнавание» как часть анекдота или шутки); а также механизмов варьирования и границы жанровых форм паремий, загадок и различных этикетных формул.

В течение дня заседаний конференции состоялось 10 докладов, сгруппированных в пять тематических секций: «Малые фольклорные жанры в контексте рукописной традиции», «Древнерусские загадки», «Количественные методы анализа малых фольклорных жанров», «Паремии как инструмент литературной игры» и «Малые фольклорные жанры внутри больших».

На первой секции («Малые фольклорные жанры в контексте рукописной традиции») с докладом «Библейские изречения и визуальный ряд в старообрядческом “Цветнике”» выступил В.А. Поздеев (Институт языка, литературы и истории научного центра Уральского отделения РАН). Материалом для исследования, основные итоги которого и были подведены в выступлении, послужили тексты в рукописных сборниках – «Цветниках», целом пласте духовной литературы староверов-часовенных Сибири, – собранные в экспедициях 2018–2022 гг. на Енисее в старообрядческих общинах часовенного согласия. Составители «Цветников» пытаются в сжатой афористичной форме представить свое понимание христианских ценностей. В докладе проанализированы вербальные и визуальные воплощения представлений о греховности современного мира, подвергающего людей соблазнам, о правильном жизненном сценарии человека, принадлежащего закрытому старообрядческому сообществу. Такие тексты являются своеобразной трактовкой библейских изречений.

С.В. Алпатов (МГУ имени М.В. Ломоносова) представил доклад «“De proprietatibus gentium”: от Исидора Севильского до Владимира Даля». Впервые документированный «Оветенской компиляцией» (883 г.) вариативный перечень положительных (суммарно до 17 позиций) и отрицательных (21 пункт) «свойств» европейских народов фиксируется в русской рукописной традиции с XVII в. в составе переводов анонимных «арифмологий» и авторских сочинений типа «Выдания о добронравии» Яна Жабчица. Наблюдения над корпусами устных народных присловий XVIII–XX вв., содержащими паремии исследуемой тематики, демонстрируют характерную эволюцию формы и семантики устных изречений о ярких культурных особенностях тех или иных этнических групп: взамен приписывания определенному этносу обобщенной номинативной характеристики («лукавство египтян», «обжорство галлов» и т. д.) его представители характеризуются предикативными конструкциями («Лях и умирает, а ногами дрягает»), маркируются знаковыми предметными реалиями («Литовский мост, что немецкий пост») или ассоциированы со сжатым до поговорки этиологическим («Первого черемиса леший родил, оттого они в лесу сидят»), легендарным («Господь по воскресении раздает народам характеристики в соответствии с их поведением в Страстную седмицу») либо анекдотическим («Поп Васька дома? – А кто там? – Василий Иванович (чувашин)») сюжетом.

В докладе В.А. Ковпика (МГУ имени М.В. Ломоносова), «Стиль “Моления Даниила Заточника”»: сплав книжной афористики с народными пословицами и поговорками» указано, что фольклористическое изучение памятников древнерусской литературы важно вдвойне: помимо исследования самих письменных памятников, оно способно хотя бы немного восполнить для нас крайнюю скудость достоверных источников о состоянии устной фольклорной традиции во времена Древней Руси. Если о каком-либо подобии специальных записей русского фольклора можно говорить не ранее XVII в., то для более ранних периодов можно признать наличие лишь

косвенного отражения устной традиции в письменных источниках. Таковы пере­сказы преданий в начальных частях древнейших русских летописей, приемы пе­сенно-эпического стиля в «Слове о полку Игореве» (памятнике нетипичном среди корпуса современных ему текстов именно высокой степенью его связи с фолькло­ром) или заклинательные формулы в плаче Ярославны там же. Если же говорить о народных паремиях (малых прозаических жанрах), фразеологизмах, идиомах, то значительное число их появляется в текстах древнерусской литературы примерно с XVI в., когда возникает ряд книжных текстов «простого стиля», отражающих речевую разговорную стихию, противопоставленную господствовавшему ранее пышному и замысловатому «плетению словес» византийского риторического об­разца; таковы, например, послания Ивана Грозного, сочинения протопопа Авваку­ма, «Калязинская челобитная» и др. («Единого моего слова гневного ты стерпеть не похотел, ко врагу нашему, кралою Жигимонту, сбежал, и оттоле лаешь на нас, как пес из-под лавки, только укусить не можешь» – пример из послания Ивана Грозно­го князю Курбскому). Для более раннего времени, а тем более для домонгольского периода, такие тексты нехарактерны; тем более важно исключение из этой общей тенденции – «Слово» или «Моление» автора, известного как Даниил Заточник, которое мало того что дает нам пример нехарактерного для древнерусской лите­ратуры ярко выраженного личностного начала и авторской индивидуальности, но еще и содержит множество случаев употребления народной афористики и фразе­ологии, причем в постоянном смешении и контрасте с изречениями книжными, прежде всего взятыми из Писания (и такое стилистическое смешение осмыслено со стороны автора, дополняющего сакральные цитаты псалмов народными посло­вицами, которые сам он называет «мирскими притчами» вроде «Ни скот в скотах коза, ни зверь в зверях еж, ни рыба в рыбах рак, ни птица в птицах нетопырь, ни муж в мужах, если над ним жена властвует, ни жена в женах, если от своего мужа прелюбодействует, ни работа в работах – для женок повоз возить»). Помимо пос­ловиц и поговорок, влияние народно-поэтического стиля видно и в употреблении приема балагурства («Кому Боголюбово, а мне горе лютое, кому Лаче-озеро, а мне, на нем сидя, плач горький») или формул невозможного («Не видел ты неба холстя­ного, ни звезд из лучинок, ни глупого, говорящего мудро») и пр.

На секции «Древнерусские загадки» был представлен доклад О.А. Кузне­цова (МГУ имени М.В. Ломоносова), «Загадки в рукописных сборниках XVII–XVIII вв.: жанровые трансформации». Как отмечено в докладе, загадка – малый жанр – имеет свойство легко встраиваться в новый контекст и менять жанровую принадлежность. Особенно хорошо это видно в русских рукописях на примере загадок, вошедших в XVII–XVIII вв. в репертуар каллиграфических упражнений и текстов для чтения («подписей и складов»), следовавших за основной частью в азбуках. Такие тексты приближаются к дидактическим высказываниям и уже предполагают не столько отгадывание (игровой компонент, реализуемый, напри­мер, в составе нарративов), сколько заучивание вопросной части (без ответа), о чем свидетельствуют многочисленные упражнения – воспроизведение текстов загадок разным почерком на свободных листах. Так, текст о море на пяти стол­пах прочитывается в соответствующем контексте как предупреждение юношам, а загадка о пчелином улье с парадоксальным пассажем о сладости в горечи – как напоминание о награде после приложения усилий. Загадка, особенно книжного происхождения, легко смыкается с афоризмами и попадает в сборники пословиц из-за близости жанровой природы. Их объединяют компактность, иносказатель-

ность, назидательность, и в книжной среде все эти тексты зачастую воспринимались как «жемчужины», которые мудрец может извлечь из глубин памяти и применить к случаю. Более интересны случаи, когда такой текст функционирует в качестве подписи под картинкой. Картинка, будучи второстепенным компонентом, нередко показывает смысловое приращение, не проявляющееся в тексте загадки. Например, коронованной «птицей-девицей» украшен текст с загадкой о смерти в каллиграфическом свитке XVII в. Визуально иллюстрация выполняет функцию виньетки и разделяет параболический текст на условие и объяснение. Но в то же время изображенная птица становится персонажем, поскольку соотносится с той, что бросает сорванные цветы в корыто. В тексте птица не конкретизируется и, насколько известно, в вариантах этой загадки не появляется Сирий или подобный тип легендарного существа – тем показательнее, что писец совмещает эти книжные реалии. Когда картинка превращается из декоративного в игровой компонент, пословицы и другие готовые тексты небольшого объема могут приобретать форму загадки, – форму, позволяющую напрямую обратиться к собеседнику, создать ощущение диалога. Так, в альбоме «Картинная книга» князя Т.И. Енгальчева изображение одетого в разную обувь человека с грудой сельскохозяйственных инструментов сопровождает подпись: «Сам барин, сам холоп, сам он пашет и орет и с крестьян оброк берет: отгадайте...». Едва ли имеется в виду абстрактный «однодворец»: исходя из общего контекста сборника, в котором живописные фигуры приглашают на охоту, повествуют о рождении необычного барашка и других домашних обстоятельствах, можно предположить, что речь идет о применении формульного текста к конкретной ситуации, как бывает с мемами.

Доклад Н.В. Буцких (Центр исследований древнерусской культуры «Зело», С.-Петербург) «Зерно и антихрист: варианты толкований загадок в древнерусской книжности» был посвящен обзору толкований загадок в русских рукописях XIV–XVII вв. Исследователем отмечен афористический потенциал древнерусской загадки, позволяющий ей менять смысл в зависимости от набора окружающих текстов, но, в отличие от доклада О.А. Кузнецовой, основное внимание было сосредоточено на практике разгадывания, игре с читателем и авторской интерпретации. Наряду с предсказуемыми стратегиями появления новых ответов (например, заменяемые в контексте загадки о борцах абстрактные оппозиции правда – кривда, день – ночь, жизнь – смерть; или возникающие при смене стилового регистра «превращения» Ионы во чреве кита в тучу с громом, петуха в колокол, пчелиного улья в колыбель и др.) были кропотливо собраны и прокомментированы окказиональные варианты. Так, по-видимому, бытовая загадка о хлебе была переосмыслена Максимом Греком в качестве высказывания об Антихристе.

Два доклада было сделано на секции «Количественные методы анализа малых фольклорных жанров».

В.В. Нагорных (МГУ имени М.В. Ломоносова) представила доклад «Этнокультурные стереотипы в анекдотах сквозь призму конкорданса». Автор напоминает, что анекдот в русской системе речевых жанров занимает особое место и обладает уникальными языковыми характеристиками. Е.Я. и А.Д. Шмелевы характеризуют анекдот как «короткий связный текст (причем соответствующий как грамматической и синтаксической, так и смысловой связанности), произносимый говорящим намеренно, со специальной целью рассмешить слушающего, понятный слушающему, произносимый в определенной ситуации, в которой уместно рассказывание анекдота, и связанный интертекстуальными связями с другими анекдотами и сте-

реотипами анекдотического пространства». Основываясь на этих определениях, целесообразно рассмотреть особенности употребления лексем, обозначающих разные этносы, на материалах конкорданса коллекции анекдотов 1991–1993 гг. кафедры русского устного народного творчества и конкорданса, созданного на основе указателя советских анекдотов М.А. Мельниченко.

В докладе Е.П.Кузнецовой (МГУ имени М. В. Ломоносова) «Формульные сочетания как параметр поиска по полнотекстовой базе данных (на материале заговоров, поверий и причитаний)» рассматривается проблема поиска и анализа устойчивых коротких формул в русских фольклорных текстах, а именно в заговорах, поверьях и причитаниях. Для решения поставленной задачи были использованы две полнотекстовые базы данных: «База данных Полесского архива» и «Словарь семантических единиц “Русские причитания”». Основной акцент сделан на использовании автоматизированных методов поиска для выявления формульных конструкций в заговорах, причитаниях и поверьях. В рамках данного исследования проводились поиски по конкретным словосочетаниям, таким как «ясны очи», «проглядеть очи», «желты пески», «ключ-замок», «замки железные», «замки немецкие», «сердце ретивое». Эти формулы представляют собой характерные примеры устойчивых выражений, встречающихся в фольклорных текстах разных жанров. В докладе обсуждается эффективность поиска в базах конкретных словесных формул в сравнении с поиском по ключевым словам-терминам («очи», «пески», «ключ», «замок», «сердце» и др.). Результаты показали, что использование поиска по формульным сочетаниям позволило существенно расширить возможности исследования устойчивых формул в фольклоре, что открывает новые перспективы для изучения устной традиции.

На секции «Паремии как инструмент литературной игры» также было сделано два доклада. Л.А. Трахтенберг (МГУ имени М.В. Ломоносова) выступил с докладом «Пословицы и поговорки в сатирических журналах 1769 г.». Автор проанализировал публикации восьми издававшихся в 1769 г. в Петербурге журналов, вошедших в историю русской литературы под названием сатирических: «Всякая всячина», «И то и се», «Ни то ни се», «Полезное с приятным», «Поденщина», «Смесь», «Трутень», «Адская почта». Из них наиболее известны «Всякая всячина» – первый по счету журнал, послуживший для других образцом формы, созданный по инициативе Екатерины II, и «Трутень», завоевавший наибольшую популярность среди современников и ставший началом литературной карьеры Н.И. Новикова. А в аспекте связей с фольклором наиболее интересен второй по счету журнал, «И то и се», издатель которого, М.Д. Чулков, на протяжении многих лет проявляет интерес к народному творчеству. Стиль этого журнала отмечен использованием многочисленных пословиц; та же черта характерна для романа Чулкова «Пригожая повариха». Вместе с тем пословицы и поговорки можно встретить и в других журналах. Есть они и во «Всякой всячине», и в «Трутне». Там их меньше, и оттого они не так заметны, поэтому обычно не привлекают к себе внимания исследователей. Различие между журналами в использовании пословиц и поговорок не только количественное, но и качественное; эти жанры выполняют в текстах разные функции.

В докладе А.В. Сухоставской (МГУ имени М.В. Ломоносова) «“Мышь – наше все”: авторский афоризм как паремия (на примере романа Т. Толстой “Кысь”»)» указано, что эпоха конца XX – начала XXI в. в литературе ознаменована расцветом постмодернизма, раскрывшегося в искусстве через ряд характерных особенностей, одной из которых является деструкция. В рамках исследования современных произведений справедливо, по мнению автора, утверждать, что разрушение

актуализируется на всех уровнях текста, включая лексический. Деструкция фразеологических единиц приводит к утрате их изначальной семантики. В докладе на примере романа Т.Н. Толстой «Кысь» рассмотрено преобразование общеизвестных паремий, показана вариативность способов изменения лексической структуры изречений народного происхождения и проанализированы полученные авторские афоризмы как инструмент достижения коммуникативной цели произведения.

Завершила конференцию секция «Малые фольклорные жанры внутри больших», где с содокладом «Вербальные и акциональные компоненты формул невозможного в восточнославянских мифологических рассказах» выступили С.К. Мамонова и К.О. Полковникова (МГУ имени М.В. Ломоносова). Авторы проанализировали формулы невозможного – стилистическую универсалию, встречающуюся в текстах различных фольклорных жанров. Исследователи (А.А. Потебня, П.Г. Богатырев, Б.П. Кирдан, Т.А. Агапкина) рассматривали их исключительно как прием, который отвечает функциональной направленности текста. Как отмечает Т.А. Агапкина, в заговорах формулы невозможного «являются своего рода гарантией “невозвращения” болезни». В лирической песне с помощью формул невозможного может создаваться образ долгой разлуки или обозначаться невозможность влюбленных быть вместе. Кроме того, они могут использоваться для создания комического эффекта, как это происходит в эпических скоморошинах-небылицах или шуточных песнях (см., например: «Да и где же это виданое, // Да и где же это слыханое, // Чтобы курочка барана родила, // Поросеночек яичко снес, // Мужичок ребенка принес» [АКФ 2007. Т. 1. № 597])¹. Специфика формул невозможного заключается в том, что они, будучи единицей вербального уровня, способны приобретать акциональный эквивалент. Наиболее наглядно это представлено в мифологических рассказах с сюжетом, где девушка, имитируя различные абсурдные действия, изгоняет посещающего ее мифологического любовника. На восточнославянской территории этот сюжет существует в нескольких версиях: в наиболее распространенной из них девушка расчесывает волосы над жареным конопляным семенем, грызет его у порога, на вопрос мифологического любовника: «Что же ты делаешь?» – она отвечает: «Вшей ем». Мифологическое существо удивляется и говорит: «Как же может человек вшей есть?» – на что девушка отвечает: «Как же может мертвый к живому ходить?» – после чего нечистая сила исчезает. В других версиях девушка говорит, что собирается женить брата на сестре / идет на свадьбу к куму и куме / моется в избе / доит лошадь. В связи с подобными текстами докладчицы рассматривают следующие вопросы: (1) как в мифологических рассказах соединяются акциональный и вербальный компоненты; (2) какую роль в коммуникации между миром живых и миром мертвых выполняют формулы невозможного; (3) почему именно абсурд становится эффективным способом разоблачения нечистой силы.

Сведения об авторе:

Василий Александрович Ковпик,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vasily A. Kovpik,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

kovpik@yandex.ru

¹ АКФ – архив фольклорных экспедиций и полевых практик кафедры русского устного народного творчества филологического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова.